СЕРГЕЙ ВЯЗЕМСКИЙ

СВЕТ ЛИТЕЙНОГО МОСТА

Петербургский судебный детектив

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ◆ ОКРУЖНОЙ СУД

Сергей Вяземский

Свет Литейного моста

«Автор»
2026

Вяземский С.

Свет Литейного моста / С. Вяземский — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, октябрь 1879 года. На Неве завершается грандиозное строительство постоянного Литейного моста, призванного стать чудом инженерной мысли и первым мостом в мире, озаренным электрическими свечами инженера Яблочкова. Однако накануне высочайшего испытания в затопленном кессоне второй опоры находят тело главного правительственного инспектора барона фон Розена.Следствие поручают старшему судебному следователю Окружного суда Федору Аристарховичу Колычеву и опытному приставу Брызгалову. Вскрыв тайные махинации с поставками строительных материалов и поддельные векселя синдиката, сыщики понимают, что за гибелью ревизора стоит смертельная угроза разрушения переправы. До прибытия императорского кортежа остаются считаные дни, и Колычев обязан разгадать тайну невского дна, пока тьма не поглотила великое творение империи.

© Вяземский С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дуговой разряд 5
Глава 2. Давление в две атмосферы 9
Глава 3. Экспертиза в академии 13
Глава 4. Пожар у поворотного крыла 17
Глава 5. Железо и гидравлика 21
Глава 6. Битва за жизнь свидетеля 25
Глава 7. Замкнутая цепь 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Свет Литейного моста

Глава 1. Дуговой разряд

Свинцовая невская вода у левобережного устоя Литейного моста казалась густой, как деготь. Ночной ветер с Финского залива нес мелкую колючую крупу вперемешку с угольной сажей, поднимавшейся от парового котла компрессорной баржи. На верхней палубе моста, еще пахнущей свежей олифой и сырым бетоном, гудели провода. Ослепительный, нестерпимо белый электрический шар в резном чугунном фонаре фонарного мастера Рахау шипел, разбрасывая вокруг себя синеватые иглы света. В этом мертвом сиянии лица собравшихся у шлюзовой шахты инженеров казались гипсовыми масками.

Следователь по особо важным делам Санкт-Петербургского окружного суда Федор Аристархович Колычев переступил через бухту просмоленного каната и вынул из кармана пальто серебряную карманную лупу. Его высокая сухая фигура в темно-сером драповом пальто с бобровым воротником выделялась среди перепачканных машинным маслом форменных сюртуков мостостроителей. Рядом, тяжело опираясь на массивную трость с тяжелым набалдашником, стоял пристав сыскной части Литейного участка Осип Терентьевич Брызгалов. Бывший пограничный офицер, видавший контрабандистов на Балтике и драки в кронштадтских портах, шумно втягивал носом холодный воздух.

Держи ухо востро, Федор Аристархович, негромко пробасил Брызгалов, стряхивая мокрый снег с папахи. Пар идет из переговорной трубы такой, будто внизу кипятком окатило. А парни у компрессора крестятся. Говорят, нехорошая это глубина. На прошлой неделе плывун чуть не снес перемычку, а нынче барон полез туда один, без сменного мастера.

Колычев повернулся к стоящему у лебедки инженеру-полковнику Аманду Егоровичу Струве. Известный всей империи строитель мостов стоял без шапки, сжимая в руке мокрые кожаные перчатки. Лицо Струве осунулось, под глазами залегли глубокие темные тени. Он только что отдал приказ остановить подкачку воздуха во вторую опору.

Людвиг Карлович не имел права спускаться без сопровождающего инженера, резко проговорил Струве, глядя на круглый люк шлюзовой камеры. Но барон фон Розен предъявил чрезвычайное предписание от самого министра путей сообщения. Сказал, что обязан лично проверить стыки нижнего кессонного венца на глубине двадцати саженей перед завтрашней приемкой. Он запер за собой переходной шлюз изнутри в одиннадцать часов вечера. Через сорок минут из переговорного рожка раздался отчаянный крик, а затем давление на манометре скакнуло на четверть атмосферы.

В этот миг на деревянные мостки взбежал молодой человек в студенческой шинели с петлицами Медико-хирургической академии. Следом за ним, придерживая тяжелый саквояж из толстой яловой кожи, поднялся пожилой господин с пышными седыми бакенбардами. Профессор судебной медицины Илья Мефодьевич Валуев не любил ночных вызовов, но ради Колычева поднялся с постели без единого слова упрека. За его спиной торопливо шла слушательница Высших женских врачебных курсов Софья Васильевна Корсакова. Ее девичий профиль под скромным суконным капором казался почти детским, но в серых глазах читалась холодная сосредоточенность исследователя, привыкшего к анатомическому театру.

Илья Мефодьевич, кивнул Колычев, приветствуя старого друга. Вы вовремя. Нам предстоит спуск на дно реки. При давлении в две с лишним атмосферы.

Господь с вами, Федор Аристархович, проворчал профессор Валуев, поправляя золотое пенсне на тонком шнурке. Моему сердцу только кессонной болезни и недоставало. Софья Васильевна, держите склянки с эфиром и лакмусом наготове. Если в шахте скопился болотный газ или угольный чад, мы узнаем об этом до того, как сделаем первый вдох.

Кессон вентилируется непрерывно, вмешался подошедший старший десятник Матвей Данилович Чуркин. Широкоплечий бородатый помор в брезентовой робе с медными пуговицами смотрел на господ из суда исподлобья. Воздух чистый, ваше благородие. Только вот барон наш не от воздуха задохнулся. Я у шлюзового клапана стоял, когда свист пошел. Словно железом по стеклу скребанули. А потом звон был, будто склянку разбили.

Почему вы не открыли шлюз немедленно, спросил Колычев, вглядываясь в тяжелое, обветренное лицо помора.

Не положено, отрезал Чуркин. Если нарушить перепад давлений без продувки, у человека внутри кровь закипит, как брага в чане. Кессонная смерть страшная, господин следователь. Жилы рвет, суставы выворачивает. Двадцать минут надо стравливать воздух через штуцер, покуда стрелка на нуль не ляжет. Мы так и делали.

Шлюз готов к открытию, доложил молодой механик у манометра. Давление уравнено с наружным.

Колычев жестом подозвал Брызгалова. Пристав вынул из кобуры казенный револьвер, взвел курок и встал у массивного бронзового маховика. Чуркин ухватился за рукоять с обратной стороны. С глухим скрежетом винтовые запоры сдвинулись с места. Из-под резиновой прокладки с шипением вырвалась струя белого пара, пахнущего речным илом, сырой гарью и машинным маслом.

Тяжелая круглая крышка люка подалась вперед. Из черного зева шахты пахнуло могильным холодом. Ни звука, ни движения внизу не было. Лишь где-то на дне глухо капала вода, просачиваясь сквозь чугунные тюбинги.

Фонари сюда, скомандовал Колычев.

Брызгалов передал следователю тяжелый переносной фонарь с защитной проволочной сеткой. Желтый луч света прорезал густой туман и уперся в стальную вертикальную лестницу, уходившую в бездну опоры. Первым по скользким ступеням начал спускаться Колычев. Следом за ним, осторожно ступая в форменных штиблетах, лез Валуев, непрерывно ворча себе под нос латинские медицинские термины. За профессором спускалась Софья Корсакова, бережно прижимая к груди саквояж с реактивами, а замыкал шествие пристав Брызгалов, чьи тяжелые шаги отдавались гулким эхом по всему стволу кессона.

Воздух на глубине десяти саженей становился плотным, тяжелым, с металлическим привкусом. Уши закладывало, в висках пульсировала глухая боль. Наконец лестница кончилась, и ноги Колычева ступили на настил из дубовых плах, уложенных прямо поверх жирного серого ила.

Это была нижняя рабочая камера кессона. Огромный железный колокол диаметром в шесть саженей накрывал речное дно. По стенам стекали мутные струи воды. В центре камеры, на расчищенном пятачке, стоял раскладной походный столик из орехового дерева, за которым обычно сидели инженеры, сверяя чертежи кладки.

На складном брезентовом стуле сидел человек.

Его голова была неестественно запрокинута назад, упираясь затылком в чугунную балку распорки. Дорогой суконный сюртук с золотыми петлицами действительного статского советника распахнут на груди. Батистовая манишка была залита темной, почти черной запекшейся кровью, пропитавшей шерстяную ткань до самого пояса.

Барон Людвиг Карлович фон Розен был мертв.

Посветите ближе, Федор Аристархович, негромко произнес Валуев, опускаясь на колени прямо на грязные доски.

Колычев поднес фонарь к лицу убитого. Глаза барона были широко раскрыты, в остекленевших зрачках застыло выражение безмерного изумления, почти ужаса. На шее, от левого уха до правого угла нижней челюсти, темнел глубокий ровный разрез. Края раны разошлись, обнажая пересеченные шейные сосуды.

Однако внимание Колычева привлекло не только ранение. Правая рука барона лежала на деревянной столешнице, судорожно сжатая в кулак. Между онемевшими пальцами поблескивали осколки тонкого аптекарского стекла. Из разбитой ампулы на край стола вытекла маслянистая желтоватая жидкость, источавшая слабый, но отчетливый запах горького миндаля и сухого лаврового листа.

Рядом со сжатым кулаком лежали карманные золотые часы фирмы Павла Буре. Стекло на них было раздавлено тяжелым предметом, а тонкая золотая стрелка намертво застыла на отметке четырнадцать минут первого.

Взгляните на стол, тихо сказала Софья Корсакова, указывая тонким пальцем в шерстяной перчатке на противоположный край столешницы.

Там стоял открытый кожаный портфель с тиснением министерского ведомства. Замки портфеля были взломаны узким стальным рычагом, оставившим глубокие вмятины на латунных накладках. Внутри не было ни одного листа бумаги. Папки с ревизионными отчетами и чертежами подводных опор бесследно исчезли.

Ограбление, пробормотал Брызгалов, держа револьвер на изготовку и осматривая темные углы камеры. Работяги прознали, что барон везет казенные деньги на расчет, подстерегли и полоснули по горлу.

Не спешите с выводами, Осип Терентьевич, холодно отозвался Колычев. Деньги барона не тронуты. Вон, из бокового кармана выглядывает золотая цепочка с брелоком, а на безымянном пальце сверкает перстень с чистейшим сапфиром. Убийцу интересовали только бумаги.

В этот момент профессор Валуев, аккуратно раздвинувший пальцами края раны на шее покойного, поднял голову и посмотрел на следователя поверх стекол пенсне.

Федор Аристархович, этот надрез сделан с анатомической безупречностью. Лезвие скальпеля прошло точно между хрящами гортани, не задев кости. Обычный мастеровой или портовый грабитель так не полоснет, у него рука дрогнет, пойдет пилить кожу. Но самое любопытное не это.

Что именно, Илья Мефодьевич?

Валуев указал на края разреза и на пол под стулом.

Кровь под телом свернулась плотным сгустком, но вокруг стола нет брызг. Понимаете? При рассечении сонной артерии живого человека фонтан крови бьет на два аршина вокруг, заливая стены и потолок. Здесь же струя едва сочилась. Это означает только одно: сердце барона фон Розена уже не билось, когда сталь коснулась его шеи.

Он был отравлен до того, как ему перерезали горло, быстро проговорила Софья Корсакова, осторожно собирая пинцетом осколки ампулы в стеклянную пробирку. Цианистый калий или синильная кислота парализуют дыхательный центр мгновенно.

Или хлороформ, добавил Валуев. Запах миндаля маскирует другой, более тяжелый компонент. Нам необходимо немедленное вскрытие в академии.

Колычев выпрямился и медленно оглядел чугунный свод кессона. Камера представляла собой наглухо запаянный колокол. Единственный выход вел наверх, через узкую шлюзовую трубу, возле которой неотлучно дежурил десятник Чуркин и двое компрессорщиков. Ни лодка, ни пловец не могли проникнуть сюда сквозь толщу воды под давлением в две атмосферы.

Преступление совершено в запертом пространстве, произнес Колычев, словно размышляя вслух. Но если убийца вошел и вышел через верхний шлюз, почему Чуркин утверждает, что никто, кроме барона, вниз не спускался?

Может, Чуркин и есть душегуб, угрюмо заметил Брызгалов. Спустился следом, отравил, зарезал, поднялся наверх и начал продувку.

Если бы Чуркин поднялся наверх без декомпрессии, он бы упал замертво прямо у люка от разрыва легких, возразил Колычев. Человеческий организм не выдерживает мгновенного

перепада давлений. Здесь действовал тот, кто досконально знает физику кессона, законы гидродинамики и анатомию человека.

Внезапно снизу, из темной ниши между чугунным тюбингом и деревянным настилом, донесся отчетливый шорох.

Брызгалов мгновенно вскинул револьвер:

Кто там? Выходи, стрелять буду без предупреждения!

Луч фонаря Колычева метнулся к темной щели у основания быка. Из мутной жижи медленно поднялась железная крышка старого водоотливного люка, считавшегося заваренным еще в прошлом году. Из темноты лаза блеснули два холодных глаза, а вслед за этим в тишине подземной камеры сухо щелкнул взводимый оружейный курок.

Глава 2. Давление в две атмосферы

Звук взводимого курка в замкнутом железном пространстве кессона прозвучал громче пушечного выстрела. Пристав Брызгалов среагировал с молниеносной быстротой старого пограничника: его грузное тело метнулось вперед, заслоняя собой Софью Корсакову и профессора Валуева, а дуло казенного револьвера уставилось в черную щель водоотливного люка.

Брось оружие на настил, рявкнул пристав, и голос его загудел в чугунных сводах, отражаясь от мокрых тюбингов. Руки вверх, иначе разнесу череп на куски!

Из темного зева трубы донеслось хриплое, прерывистое дыхание, сопровождаемое бульканьем илистой жижи. Луч фонаря Колычева выхватил из мрака дрожащую руку в грубой парусиновой рукавице, заляпанной черной мазутной смазкой. В пальцах блеснул не пистолет, а тяжелый стальной ключ с длинным граненым рычагом, которым рабочие откручивали магистральные вентили сжатого воздуха. Рукоять ключа соскользнула с чугунной закраины, издав тот самый резкий металлический щелчок, принятый сыщиками за взвод курка.

Не стреляйте, ради Христа, захлебываясь кашлем, простонал голос из люка. Свои... Задохнусь сейчас, заслонку заклинило...

Брызгалов шагнул вперед, схватил человека за шиворот мокрой парусиновой куртки и одним мощным рывком выдернул его на дубовый настил. Человек рухнул на колени, судорожно хватая ртом тяжелый кессонный воздух. Его лицо было бледным, почти синюшным, из носа сочилась тонкая струйка темной венозной крови, а губы тряслись в лихорадочном ознобе.

Кессонная болезнь, немедленно определила Софья Корсакова, опускаясь рядом с пострадавшим и расстегивая ворот его куртки. Илья Мефодьевич, у него острое кислородное голодание и спазм сосудов. Слишком резкий спуск без шлюзования.

Валуев быстро извлек из саквояжа флакон с нашатырным спиртом и поднес к носу рабочего. Тот судорожно вдохнул едкие пары, закашлялся и открыл мутные, налитые кровью глаза.

Кто такой, строго спросил Колычев, наклоняясь над лежащим. Почему находился в осушенном вентиляционном канале?

Я подручный слесаря... Гришка Власов, прохрипел рабочий, утирая нос рукавом. С Выборгской стороны. Мне мастер Чуркин велел донную задвижку проверить перед пуском электричества. Сказал, вода через нижний шов просачивается, бык проседает. Я полез по старой трубе, а там заслонку заклинило намертво. Слышу сверху шум, крик, топот. Подумал, опять кессон рвануло, как в семьдесят седьмом году. Испугался, господа... Ей-богу, испугался, думал, утону заживо.

Колычев пристально посмотрел в лицо парня. Руки слесаря дрожали мелкой дрожью, зрачки были расширены, но на его одежде и пальцах не было следов свежей крови, только застарелая копоть и машинная смазка.

Когда ты полез в трубу, Гришка, спросил следователь, понизив голос.

В одиннадцатом часу, ваше благородие. До того, как господин барон на мост пожаловали. Барон кричал на нашего управляющего, господина Штейгера, прямо у компрессора. Грозился полицией и сибирской каторгой. Кричал, что в фундамент вместо портландского цемента насыпали битого кирпича с известью, и что опора треснет при первом же весеннем ледоходе. А потом барон сам полез вниз с тетрадкой, а мне велели в трубе сидеть и слушать, не гудит ли клапан.

Ты слышал, что происходило здесь, в камере, около полуночи?

Гришка втянул голову в плечи и боязливо покосился на неподвижное тело барона, сидящее за столиком.

Слышал, барин. Страшно было. Сперва фонари электрические наверху загудели, аж по железу дрожь пошла. Потом барон внизу закашлялся, тяжело так, будто его душили. Слышу, столик скрипнул, склянка упала и разбилась. А следом шаги были.

Шаги, переспросил Колычев, нахмурившись. Чьи шаги? Откуда они взялись, если шлюз сверху был заперт?

Не знаю я, заплакал рабочий. Только шаги были не в сапогах с подковами, как у наших мужиков, а тихие, мягкие. Будто барин в тонких штиблетах ступал. Прошел к столику, бумаги зашуршали, замки на портфеле хрустнули. А потом глухой удар о железо, и все стихло. Я хотел через задвижку выглянуть, да железяку заело. Чуть дух не испустил от страха.

Колычев выпрямился и подошел к чугунной стене кессона, находившейся прямо за спиной убитого инспектора.

Внимательно осмотрите настил и стены, обратился он к Брызгалову. Если сюда проник посторонний, он не мог раствориться в воздухе.

Брызгалов поднял фонарь и провел лучом вдоль чугунных тюбингов. В двух шагах от стола, на влажной поверхности железной плиты, покрытой слоем серой конденсатной испарины, темнели четкие царапины. Кто-то торопливо, дрожащей рукой нацарапал острием ножа или циркуля короткую надпись, состоявшую из цифр и букв: шестнадцать дробь девять, а ниже греческую букву омега.

Что это за каббалистика, проворчал Брызгалов, проводя пальцем по глубоким бороздам в металле. Дата какая-то? Шестнадцатое сентября?

Шестнадцатого сентября семьдесят шестого года случилась первая авария на третьей опоре, негромко произнесла Софья Корсакова. Тогда погибло пятеро кессонщиков. А девятого сентября семьдесят седьмого года произошел взрыв на второй опоре, где мы сейчас находимся. Погибло девять человек. Шестнадцать дробь девять. Это не каббала, Осип Терентьевич. Это поминальный счет погибших рабочих.

Колычев внимательно вгляделся в нацарапанные знаки.

Царапины свежие, заметил он. На краях металла нет ржавчины, стружка еще блестит под фонарем. Барон фон Розен знал эти даты наизусть, он возглавлял следственную комиссию министерства после взрыва семьдесят седьмого года. Неужели он сам начертал это перед смертью?

Или это сделал тот, кто пришел отомстить за погибших товарищей, мрачно вставил пристав. Вот вам и мотив. Рабочий бунт, месть за покалеченных мужиков.

Месть не похищает сметные книги и расчеты гидропривода, покачал головой следователь. Если бы это была слепая рабочая месть, с барона сорвали бы золотые часы и сняли кошелек с кредитными билетами. Но деньги не тронуты. Тот, кто забрал портфель, искал конкретные доказательства подлога.

Тем временем профессор Валуев завершил первичный осмотр тела и поднялся на ноги, тяжело отдуваясь.

Федор Аристархович, оставаться здесь дольше невозможно. Влажность стопроцентная, температура падает, а у нашего слесаря начинается легочный отек. Тело барона необходимо немедленно поднимать на поверхность и транспортировать в анатомический театр академии. Там я смогу провести полное секционное исследование и токсикологический анализ содержимого желудка и дыхательных путей.

Вы правы, согласился Колычев. Осип Терентьевич, подайте сигнал наверх через переговорную трубу. Пусть готовят подъемную клеть. Гришку Власова берем под стражу как важного свидетеля, но поместить его в лазарет при Литейном участке, под строгий надзор. Никаких допросов до осмотра врачом.

Брызгалов подошел к медной трубе с конусообразным раструбом, свистнул в нее трижды и крикнул:

Эй, на барже! Подавай клеть и носилки! Барон мертв, спускайте веревки для подъема тела!

Сверху донесся глухой гул голосов, сопровождаемый металлическим скрежетом лебедки. Спустя десять минут тяжелое брезентовое полотнище с телом погибшего действительного статского советника было закреплено на стальных тросах и медленно поплыло вверх, растворяясь в клубах пара и сырого тумана.

Когда Колычев, поддерживая ослабевшего слесаря, выбрался по железным скобам на верхнюю палубу Литейного моста, ночной воздух показался ему обжигающе холодным. Но на палубе их ждала новая, неожиданная картина.

У шлюзового люка собралась внушительная толпа. Помимо рабочих и инженера Струве, здесь стоял управляющий концессионным обществом Густав Адольфович Штейгер. Высокий, безукоризненно выбритый господин в бобровой шубе нараспашку и блестящем цилиндре нервно курил длинную гаванскую сигару, стряхивая пепел прямо на мокрые дубовые доски настила. За его спиной переминались с ноги на ногу двое дюжих молодцов в купеческих поддевках с тяжелыми дубинками в руках.

Но главное внимание Колычева привлек третий экипаж, только что затормозивший у въезда на мост со стороны Литейного проспекта. Из черной лакированной кареты с гербами Санкт-Петербургского градоначальства вышел сухопарый офицер в шинели с серебряными аксельбантами штабс-капитана жандармерии.

Это был Иннокентий Платонович Половцев, чиновник особых поручений при градоначальнике, известный своей железной хваткой и связями с тайной агентурой Третьего отделения.

Господин следователь, громко произнес Половцев, не дожидаясь, пока Колычев приблизится. Я прибыл по личному распоряжению господина градоначальника. Нам стало известно о трагическом инциденте на мосту. Ввиду чрезвычайной важности объекта и готовящегося высочайшего открытия, дело об убийстве барона фон Розена изымается из гражданского судопроизводства и передается в ведение секретной следственной комиссии.

Колычев остановился в двух шагах от жандармского офицера, небрежно оправил воротник пальто и взглянул Половцеву прямо в глаза.

Штабс-капитан, спокойно ответил следователь, судебная реформа государя императора Александра Николаевича тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года ясно определяет пределы подсудности. Преступление совершено в черте Санкт-Петербурга, жертва является гражданским чиновником Министерства путей сообщения. Пока прокурор судебной палаты не вынесет мотивированного постановления о признании дела государственным преступлением, следствие веду я, старший судебный следователь Окружного суда Федор Колычев.

Половцев тонко усмехнулся, тронув пальцем кончик светлых усов.

Вы играете с огнем, Федор Аристархович. У нас есть агентурные сведения, что смерть барона - дело рук боевой ячейки народовольцев, замысливших взорвать мост во время проезда царского поезда. Если вы попытаетесь выставить это банальным уголовным грабежом, вы поставите под удар безопасность всей столицы.

Оставьте политические басни для отчетов начальству, штабс-капитан, отрезал Колычев. Ни один народоволец не станет уносить с места преступления финансовые гроссбухи концессионеров, оставляя на месте золотые часы и бумажник с тысячью рублей.

Управляющий Штейгер при этих словах заметно вздрогнул, и сигара выпала из его холеных пальцев, зашипев в луже мокрого снега.

Какие гроссбухи, сдавленным голосом спросил Штейгер, делая шаг вперед. Барон фон Розен не имел права изымать коммерческую отчетность общества без санкции общего собрания акционеров! Где эти документы, господин следователь?

Документы похищены убийцей, господин Штейгер, холодно произнес Колычев. И тот, кто их забрал, знал их истинную цену гораздо лучше, чем стоимость всех золотых часов империи.

В этот момент со стороны Невы донесся резкий пароходный гудок. Маленький буксирный пароход под брезентовым тентом, шедший со стороны Охты без огней, внезапно дал полный задний ход, взбурлил воду колесами и скрылся в густом осеннем тумане, оставив за собой лишь тяжелый запах горелого мазута и едкий шлейф черного дыма.

Глава 3. Экспертиза в академии

Выборгская сторона встретила сыщиков глухим утренним звоном колоколов Сампсониевского собора и тяжелым скрипом ломовых телег, тянувшихся вдоль Большого Сампсониевского проспекта. В сером предутреннем свете массивный фасад Императорской Медико-хирургической академии с его строгими гранитными колоннами казался неприступной цитаделью науки. Здесь, вдали от блеска Невского проспекта и министерской суеты, жизнь подчинялась строгому ритму анатомических штудий, химических опытов и клинических разборов.

Служебная пролетка Колычева остановилась у чугунных ворот академического флигеля. Сыщики поднялись по широкой каменной лестнице на второй этаж, где в глубине длинного сводчатого коридора располагалась кафедра судебной медицины. В воздухе стоял привычный для этих стен стойкий запах карболки, камфоры и сухого терпентина.

В лаборатории судебной экспертизы горели газовые рожки в матовых стеклянных колпаках. На массивном дубовом столе, покрытом свинцовыми листами, стояли ряды стеклянных реторт, фарфоровых чашек и бюреток с притертыми кранами. В центре стола возвышался массивный латунный прибор на чугунной треноге, предмет особой гордости профессора Валуева: спектроскоп Кирхгофа и Бунзена, выписанный им из Гейдельбергского университета для исследования тонких оптических свойств крови и криминалистических растворов.

Профессор Валуев уже сменил сюртук на белый полотняный халат с завязанными на спине тесемками. Он сидел на высоком винтовом табурете, склонившись над окуляром спектроскопа, и тонким регулировочным винтом подстраивал угол преломления призмы. Рядом с ним, за соседним лабораторным столом, работала Софья Васильевна Корсакова. Девушка аккуратно переносила стеклянной палочкой микроскопические капли прозрачной жидкости из фарфорового тигля на полоски лакмусовой бумаги, отмечая результаты в толстой тетради в коленкоровом переплете.

Входите, Федор Аристархович, не отрываясь от окуляра, произнес Валуев, словно у него были глаза на затылке. Дверь притворите плотнее, сквозняк колеблет пламя водородной горелки. Осип Терентьевич, положите вашу трость на сундук у входа, здесь точность измерений измеряется долями миллиметра.

Колычев снял перчатки, опустился на свободный стул у окна и достал свой следственный блокнот.

Что показали анализы, Илья Мефодьевич? Догадка Софьи Васильевны подтвердилась?

Подтвердилась, и даже с избытком, отозвался профессор, поворачивая тубус спектроскопа и уступая место следователю. Взгляните сами, Федор Аристархович. Перед вами спектр поглощения гемоглобина, выделенного из глубоких слоев шейных мышц покойного барона. Две темные полосы в желто-зеленой части спектра указывают на присутствие метгемоглобина, но без характерного смещения, свойственного действию синильных соединений.

Значит, яда не было, спросил Брызгалов, тяжело дыша у стены. А запах миндаля откуда взялся?

Запах миндаля был искусно подмешан к раствору, вмешалась Софья Корсакова, поворачиваясь к следователю. Мы исследовали содержимое разбитой ампулы, найденной в кулаке барона фон Розена. Это была смесь концентрированного хлороформа, спиртовой настойки горького миндаля и редкого алкалоида тропанового ряда, применяемого в парижских клиниках для глубокого наркоза при хирургических операциях. Ампулу раздавили под носом барона, когда он сидел за столом.

Он потерял сознание мгновенно, продолжил Валуев, снимая пенсне и протирая стекла шелковым платком. Достаточно было двух глубоких вдохов этих концентрированных паров, чтобы наступил глубокий сопорозный сон с полным расслаблением мускулатуры. Сердечная

деятельность резко замедлилась, пульс упал до тридцати ударов в минуту. В этом состоянии барон находился не менее двадцати минут.

А затем, спросил Колычев, чей взгляд стал острым и внимательным.

А затем подошел убийца, взял со стола узкий скальпель с обоюдоострым лезвием и хладнокровно рассек ткани шеи, твердо произнес профессор. Но сделал это не для того, чтобы лишить жизни, барон и так был на грани клинической смерти от передозировки хлороформа. Разрез был сделан исключительно для отвода глаз. Убийца хотел представить дело как нападение обезумевшего кессонщика, месть мастерового или пьяную драку со смертельным исходом.

Но почему именно скальпель, спросил Колычев. Почему не обычный рабочий нож, коих на стройке сотни?

Потому что убийца привык к хирургическому инструменту, ответила Софья Корсакова, подавая Колычеву лист бумаги с рисунком раны. Обратите внимание на угол входа лезвия. Разрез начат слева направо, под углом ровно в пятнадцать градусов к горизонтальной плоскости шеи. Именно так учат делать трахеотомию и рассечение шейных фасций в европейских университетах. Рука преступника была твердой, привычной к анатомическим манипуляциям. Это рука врача или профессионального препаратора.

Интересный оборот, пробормотал Брызгалов, поглаживая окладистую бороду. Выходит, среди наших кессонщиков бродит дипломированный лекарь с парижским наркозом в кармане? Чудеса, да и только.

Чудеса только начинаются, Осип Терентьевич, тихо произнес Колычев. Софья Васильевна, вы упомянули, что в карманах сюртука барона были обнаружены другие предметы.

Да, кивнула девушка и подошла к закрытому стеклянному шкафу. Она достала эмалированный лоток, на котором лежали вещи, изъятые при первичном досмотре одежды покойного: связка ключей на стальном кольце, серебряная табакерка с вензелем, сложенный вчетверо шелковый носовой платок и небольшая плотная бумажная пластинка, завернутая в вощеную бумагу.

Взгляните на эту пластинку, Федор Аристархович, сказала Корсакова. Мы обнаружили ее во внутреннем потайном кармашке жилета, зашитом под шелковую подкладку. Убийца обыскал портфель и боковые карманы сюртука, но до этого кармана добраться не успел.

Колычев надел тонкие замшевые перчатки и осторожно развернул вощеную бумагу. Перед ним лежал прямоугольный обрезок плотного гербового бланка Департамента шоссейных и водяных сообщений. На бумаге темнел оттиск фиолетовой мастичной печати с двуглавым орлом и рукописная пометка, сделанная черными железистыми чернилами.

Следователь поднес бумагу к свету газового рожка и вслух прочел полустертые строчки:

Особое дело номер сорок восемь. Секретный протокол испытаний прочности подводного массива быка номер два. Замена ревельского портландцемента суррогатом Путиловского завода произведена по распоряжению управляющего делами общества господина Штейгера от четырнадцатого августа сего года. Сумма разницы в четыреста двадцать тысяч рублей переведена в банки Франкфурта и Лондона через вексельные конторы мадам Дюбуа.

В лаборатории повисла звенящая тишина. Слышно было только, как в вытяжном шкафу потрескивало пламя спиртовки.

Вот она, цена человеческой жизни, медленно произнес Колычев, опуская документ на лоток. Четыреста двадцать тысяч рублей серебром. На эти деньги можно было выстроить еще один мост через Неву. Концессионеры украли казенные средства, заложив под гранитные опоры Литейного моста труху вместо первоклассного цемента. Барон фон Розен узнал об этом, собрал образцы кернов со дна реки и собирался положить этот протокол на стол министру в день торжественного открытия.

И за это его опустили на дно кессона и перерезали горло, как барану, глухо пробасил Брызгалов. Значит, господин Штейгер в деле по самые уши?

Штейгер - главное заинтересованное лицо, ответил Колычев. Но он не действует один. В одиночку украсть четыреста двадцать тысяч казенных рублей из министерской сметы невозможно. За ним стоят высокие покровители в Сенате и канцелярии градоначальства. Именно поэтому штабс-капитан Половцев так спешил объявить это преступление вылазкой террористов. Если свалить все на народовольцев, никто не станет проверять состав бетона во второй опоре. Мост освятят, откроют движение, концессионеры получат свои дивиденды, а через три года, когда бык треснет под напором невского льда, все спишут на стихийное бедствие.

В этот момент тяжелая дубовая дверь лаборатории распахнулась без стука.

На пороге стоял помощник прокурора Санкт-Петербургского окружного суда Виктор Степанович Заболоцкий. Молодой, безукоризненно выбритый чиновник в темно-зеленом прокурорском вицмундире с золотыми пуговицами держал под мышкой объемистую кожаную папку с золотым тиснением. Его холеное лицо выражало крайнюю степень раздражения и служебного нетерпения.

Федор Аристархович, звучным баритоном произнес Заболоцкий, окинув брезгливым взглядом реторты и анатомические таблицы на стенах. Я ищу вас по всей Литейной части уже два часа. Вы устроили здесь научный консилиум в то время, когда в канцелярии градоначальника кипит форменный ад! Министр путей сообщения каждые полчаса запрашивает телеграфом сводку. Государь император изволил лично поинтересоваться обстоятельствами происшествия на мосту!

Колычев спокойно повернулся к начальству:

Следствие работает без перерыва с двух часов ночи, Виктор Степанович. Экспертиза профессора Валуева дала исключительные результаты, полностью опровергающие первоначальную версию о внезапном нападении кессонных рабочих.

Оставьте ваши профессорские тонкости, резко перебил Заболоцкий, подходя к столу и бросая на него свою папку. У меня на столе лежит признательный рапорт десятника Чуркина. Он лично явился с повинной к полицмейстеру Выборгской части полчаса назад!

Что, вскинулся Брызгалов. Чуркин явился с повинной? Быть того не может!

Может или не может, а факт остается фактом, торжествующе усмехнулся помощник прокурора. Чуркин признался, что имел давнюю вражду с бароном фон Розеном еще со времени взрыва в семьдесят седьмом году. Ночью он пробрался в кессон через верхний люк, нанес барону смертельный удар ножом и забрал портфель, который выбросил в невскую полынью. Рапорт составлен по всей форме в присутствии штабс-капитана Половцева. Дело раскрыто, Федор Аристархович. Нам остается лишь подписать обвинительный акт и передать материалы для скорейшего предания суду военного трибунала.

Колычев медленно подошел к помощнику прокурора и посмотрел на лежащую перед ним папку.

Виктор Степанович, тихо, но с железной отчетливостью произнес следователь. Вы опытный юрист и знаете цену выбитым признаниям. Чуркин физически не мог перерезать горло барону через верхний люк в полночь, потому что в это самое время он находился на компрессорной барже на глазах у трех дежурных машинистов. Более того, барон был умерщвлен редчайшим парижским наркотическим составом, о существовании которого поморский десятник не имеет ни малейшего представления.

Заболоцкий поморщился, словно от зубной боли:

Вы упрямы, Колычев. Неужели вы не понимаете, о чем идет речь? Через девять дней назначено торжественное открытие моста! Если мы начнем копаться в поставках цемента и арестовывать концессионеров с зарубежными паспортами, разразится международный скандал! Биржа рухнет, доверие к русским облигациям в Париже будет подорвано! Кому нужна эта ваша правда, если она грозит государственными потрясениями?

Правда нужна закону, господин помощник прокурора, холодно ответил Колычев. И государю, который доверяет нам отправление правосудия по Судебным уставам шестьдесят четвертого года. Я не подпишу этот обвинительный акт. Чуркин оговорил себя под пыткой или под угрозой расправы над его семьей.

Вы пожалеете об этом, Федор Аристархович, процедил Заболоцкий, забирая папку со стола. Градоначальник уже готовит представление на имя министра юстиции об отстранении вас от следствия.

Пусть готовит, пожал плечами Колычев. А пока бумага не подписана государем, я требую немедленного свидания с Чуркиным в тюремном замке.

В этот момент за окном лаборатории раздался глухой хлопок, похожий на отдаленный выстрел, и стекла в массивных рамах мелко задрожали. Со стороны Литейного моста в серое осеннее небо поднялся густой столб черного смоляного дыма.

Глава 4. Пожар у поворотного крыла

Черный дым над Литейным мостом стелился низко над водой, прибиваемый к свинцовым волнам Невы холодным балтийским ветром. Служебная пролетка Колычева, нахлестываемая кучером, промчалась по Воскресенской набережной и со скрежетом колес затормозила у временных деревянных шлагбаумов стройки.

Зрелище, открывшееся глазам сыщиков, напоминало поле недавнего сражения. Возле левобережного устоя моста, где располагалась бревенчатая машинная станция с паровыми динамо-машинами системы Грамма и компрессорными установками, метались пожарные служители в медных касках. Две конные пожарные трубы Литейной части непрерывно качали воду прямо из реки, выбрасывая пенные струи на пылающую крышу аппаратного павильона. Вокруг толпились сотни рабочих в брезентовых робах, сдерживаемые цепью городовых с шашками наголо.

С дороги, прочь с пути, зычно кричал пристав Брызгалов, расталкивая зевак плечами и прокладывая дорогу следователю. Следственная часть Окружного суда! Расступись, православные!

У самых дверей горящего павильона, по колено в грязной ледяной воде, стояли двое. Один из них, инженер-полковник Струве, в расстегнутом форменном сюртуке, с почерневшим от сажи лицом, хриплым голосом отдавал команды машинистам, пытавшимся оттащить от огня тяжелые барабаны с медным кабелем. Второй, высокий коренастый мужчина лет тридцати с небольшим, с пышной шевелюрой и внимательными, горящими фанатичным блеском темными глазами, голыми руками вырывал из пылающего распределительного щита пучки обугленных проводов.

Это был Павел Николаевич Яблочков, гениальный русский электротехник, чьи дуговые свечи всего год назад потрясли весь Париж на Всемирной выставке, а теперь впервые в истории должны были озарить постоянный мост через великую русскую реку.

Павел Николаевич, оставьте щит, рухнет же, кричал ему Струве, хватая изобретателя за рукав. Медь казенная, черт с ней, голова дороже!

Не в меди дело, Аманд Егорович, отчаянно кричал в ответ Яблочков, выдергивая из огня закопченный латунный переключатель. Цепи перебиты умышленно! Это не короткое замыкание, это поджог! На распределитель плеснули каменноугольным дегтем и скипидаром!

Колычев в три шага преодолел мокрые сходни и оказался рядом с Яблочковым. Брызгалов сноровисто перехватил ведро с речной водой у пробегавшего пожарного и с маху окатил тлеющие доски вокруг ног изобретателя, сбив пламя.

Господин Яблочков, резко произнес Колычев, помогая электротехнику отойти на безопасное расстояние к гранитному парапету. Вы утверждаете, что это умышленный поджог?

Я не утверждаю, господин следователь, я это знаю наверняка, тяжело дыша, произнес Яблочков, протягивая Колычеву почерневший металлический предмет. Взгляните на этот замок рубильника. Его сорвали ломом за пять минут до взрыва. Кто-то проник в павильон со стороны набережной, облил главную магистраль левобережного крыла горючей смесью и замкнул цепь толстым железным прутом. Динамо-машины пошли вразнос, возникла чудовищная вольтова дуга, от которой загорелась сухая смоленая обшивка стен.

Зачем, быстро спросил Колычев. Чего добивался поджигатель? Уничтожить генераторы?

Хуже, глухо отозвался подошедший Струве. Лицо знаменитого инженера было белее полотна. Электрическая цепь питает не только фонарные столбы Рахау. От этой же магистрали подается ток на электромагнитные клапаны гидравлического привода поворотного пролета. Вы понимаете, что произошло, Федор Аристархович?

Объясните, инженер-полковник, потребовал следователь.

Литейный мост имеет уникальную конструкцию, заговорил Струве, понизив голос до шепота, чтобы его не слышали толпившиеся вокруг мастеровые. Левобережный пролет у Литейного проспекта не поднимается вверх, как на старых мостах, а поворачивается горизонтально на центральной гранитной опоре с помощью гигантской гидравлической турбины. Вес этого поворотного крыла составляет более двухсот тысяч пудов. Чтобы плавно стронуть такую массу стали и чугуна, давление воды в гидроцилиндрах поддерживается паровыми насосами и регулируется электромагнитными стопорами.

И что теперь с этими стопорами, спросил подоспевший помощник прокурора Заболоцкий, озабоченно оглядывая дымящиеся руины павильона.

Они обесточены и заблокированы в аварийном положении, с горечью ответил Струве. Но самое страшное в другом. Поворотный пролет сдвинулся на три дюйма по часовой стрелке. Он заклинил в гнезде. Если в течение двенадцати часов мы не восстановим гидравлическое равновесие, многопудовая стальная ферма просядет на левый бык и раздавит подводную кладку второй опоры. Той самой опоры, где ночью погиб барон фон Розен.

Той самой, где бетон заменен шлаком, негромко добавил Колычев, глядя прямо в глаза главному строителю.

Струве вздрогнул, словно получил удар хлыстом. Он огляделся по сторонам, поймал тяжелый взгляд следователя и опустил голову.

Вы уже знаете, едва слышно произнес инженер.

Следствию известно о хищении четырехсот двадцати тысяч рублей, твердо сказал Колычев. И о фальшивых сертификатах ревельского цемента. Вы знали об этом, Аманд Егорович? Вы допустили укладку негодного раствора под несущие быки моста?

Клянусь честью русского инженера, я не прикасался к этим грязным деньгам, с яростной силой воскликнул Струве, сжав кулаки. Я проектировщик, я строитель! Поставками материалов, закупками цемента, наймом рабочей силы и финансовыми расчетами целиком ведало правление Российско-Балтийского общества! Господин Штейгер лично подписывал все приемные акты от имени концессионеров. Когда две недели назад барон фон Розен пришел ко мне с образцами крошащегося бетона, я потребовал немедленно остановить работы и вскрыть опору. Но Штейгер заявил, что если я подниму шум, правительство аннулирует концессию, меня объявят банкротом, а все мои заводы пойдут с молотка за долги!

И барон фон Розен согласился молчать, спросил Заболоцкий, недоверчиво прищурившись.

Барон не был подлецом, отрезал Струве. Он сказал, что составит окончательный технический акт после ночного спуска в кессон, когда лично замерит осадку быка под статической нагрузкой пролета. Он спустился туда, чтобы спасти мост от позора, а погиб от руки наемного убийцы!

В этот момент сквозь расступившуюся толпу зевак к парапету решительным шагом подошел штабс-капитан Половцев. За ним следовали четверо жандармских унтер-офицеров с револьверами в кобурах и карабинами за плечами.

Господин Струве, металлическим голосом произнес Половцев, козырнув двумя пальцами. Именем санкт-петербургского градоначальника объявляю строительную площадку Литейного моста зоной чрезвычайного военного положения. Ввиду очевидного акта государственного саботажа и попытки срыва торжественного открытия переправы, все гражданские лица обязаны немедленно покинуть территорию.

Штабс-капитан, вмешался Колычев, делая шаг навстречу жандарму. Вы превышаете свои полномочия. Это место совершения преступления, подлежащее судебному осмотру следователем Окружного суда.

Половцев холодно усмехнулся и вынул из нагрудного кармана бумагу с красной сургучной печатью.

Ошибаетесь, господин коллежский советник. Перед вами высочайшее распоряжение о создании смешанной военно-полицейской комиссии под председательством генерал-майора свиты его величества. Расследование теракта поручено нашему ведомству. А господин Яблочков, чьи провода послужили причиной возгорания стратегического объекта, задерживается до выяснения обстоятельств его преступной небрежности.

Взять господина инженера под стражу, скомандовал Половцев своим жандармам.

Двое унтеров шагнули к Яблочкову, но дорогу им внезапно преградила исполинская фигура пристава Брызгалова. Ветеран балтийской пограничной службы расправил плечи, набычился и упер свою чугунную трость прямо в грудь переднего жандарма.

Стоять, служивые, зарокотал Брызгалов так, что шарахнулись даже пожарные лошади. Руки коротки у тебя, штабс-капитан, на русских ученых кандалы вешать. Господин Яблочков находится под охраной столичной сыскной полиции как главный эксперт судебного следствия. Тронешь его пальцем, я тебя самого в кутузку Литейного участка упеку за препятствование законному правосудию. У меня ордер на обыск подписан прокурором палаты, а твоя грамотка еще в Сенате не зарегистрирована!

Половцев побледнел от ярости, его рука непроизвольно легла на рукоять эфеса шашки:

Вы забываетесь, капитан! Это бунт против власти градоначальника!

Это соблюдение законов Российской империи, веско произнес Колычев, вставая рядом с приставом. Господин помощник прокурора Заболоцкий, подтвердите штабс-капитану статус следственной группы Окружного суда.

Заболоцкий замялся на секунду, оглядывая собравшуюся многосотенную толпу рабочих, угрюмо наблюдавшую за противостоянием чиновников, затем выпрямился и сухо произнес:

Судебные уставы не отменялись никакими чрезвычайными комиссиями, господин Половцев. Господин Яблочков останется в распоряжении судебного следователя Колычева. Если вы попытаетесь применить силу против чиновников суда, я немедленно направлю представление лично министру юстиции Набокову.

Половцев скрипнул зубами, окинул присутствующих ледяным взглядом и сделал знак жандармам опустить оружие.

Что ж, господа законники, процедил он с неприкрытой угрозой. Ответственность за возможные последствия ложится исключительно на ваши плечи. Если этот проклятый мост завтра рухнет в Неву, вы пойдете под суд вместе со своими экспертами.

Жандармский офицер резко развернулся на каблуках и зашагал к своей карете, бросив на ходу унтерам приказ оцепить подступы к набережной.

Когда карета Половцева скрылась в тумане Литейного проспекта, Брызгалов шумно перевел дух и наклонился к обугленному основанию фонарного столба Рахау, возле которого начинался пожар.

Гляди-ка, Федор Аристархович, тихо проговорил пристав, поддевая носком сапога блестящий металлический предмет, наполовину засыпанный мокрой сажей. Поджигатель в спешке обронил вещицу.

Колычев присел на корточки и пинцетом поднял находку. Это был массивный серебряный портсигар с искусной гравировкой в виде перекрещенных бильярдных киев и золотой монограммой, состоящей из двух латинских букв: «Джи» и «Эс».

Английский клуб на Дворцовой набережной, мгновенно узнал монограмму Колычев. Членский знак закрытого аристократического собрания. А инициалы принадлежат господину Густаву Штейгеру.

Однако в этот момент раздался глухой, зловещий скрежет со стороны реки.

Огромное стальное полотно поворотного пролета вздрогнуло. С высоты десяти саженей со звоном сорвалась стальная заклепка размером с кулак и с плеском ушла на дно Невы.

Струве бросился к парапету и взглянул вниз, в темную бездну между гранитным быком и поворотной фермой.

Боже милосердный, в ужасе прошептал инженер-полковник, хватаясь за голову. Они не просто обесточили стопоры. Взгляните на главную уравновешивающую цепь левого противовеса!

Колычев перегнулся через гранитные перила и направил луч фонаря в узкую техническую щель под настилом моста.

Массивная кованая цепь толщиной в человеческую ногу, удерживавшая баланс двухсоттысячепудового пролета, была наполовину перепилена тонким алмазным резцом. Каждое колебание невской волны заставляло оставшиеся звенья растягиваться с протяжным металлическим стоном, грозившим в любую секунду превратиться в катастрофический обвал всей конструкции прямо на вторую подводную опору.

Глава 5. Железо и гидравлика

Гул гидравлических насосов в подмостовом машинном отделении напоминал размеренное дыхание гигантского железного чудовища, замурованного в толще гранитного быка. Здесь, ниже уровня невских волн, воздух был насыщен маслянистой взвесью, запахом перегретого чугуна и сырого речного камня. Со сводов монолитной камеры то и дело срывались холодные капли конденсата, с шипением падая на горячие кожухи паровых цилиндров.

Аманд Егорович Струве лично стоял у главного распределительного золотника, сжимая в закопченных руках полуторапудовый стальной ключ. Бригада из шести отборных слесарей под его началом лихорадочно заводила тяжелые стальные тросы вокруг аварийного противовеса. Металлические жилы канатов натягивались со звоном струны, принимая на себя чудовищную тяжесть надпиленной цепи.

Майна помалу, хрипел Струве, утирая пот с почерневшего лба. Держи натяг на гидравлике! Еще полдюйма, черт вас дери, иначе срежет стопорный палец!

Рядом, контролируя показания ртутных манометров, стоял Павел Яблочков. Изобретатель соединил уцелевшие аккумуляторы с временным индикатором давления, заставляя маленькую контрольную лампу светиться ровным желтоватым огоньком. Тонкие стрелки контрольных манометров дрожали от каждого толчка поршней, перекачивавших воду под давлением в шестьдесят атмосфер.

Давление в гидроцилиндре стабилизировалось на отметке в шестьдесят атмосфер, громко объявил Яблочков, переводя дыхание. Тросы держат надежно. Опасность немедленного обрушения пролета миновала, Аманд Егорович.

Струве тяжело опустился на деревянный ящик из-под ветоши, уронив руки между колен. Плечи инженера мелко вздрагивали от пережитого напряжения. Лицо его осунулось, глаза воспалились от едкого дыма и бессонницы.

Господи помилуй, прошептал он, глядя на следователя Колычева, стоявшего у входа в машинную камеру. Еще пять минут промедления, и весь Литейный мост сложился бы в воду, как карточный домик. Двести тысяч пудов клепаного железа рухнули бы прямо на судоходный фарватер. Это была бы катастрофа, равной которой не знала Россия со времен крушения плашкоутов в наводнение двадцать четвертого года.

Кто имел доступ к этому отсеку, Аманд Егорович, спокойно спросил Колычев, подходя ближе и освещая фонарем массивные чугунные балки перекрытия.

Доступ имеют только старшие механики и члены правления концессии, глухо ответил Струве, потирая виски испачканными в машинном масле пальцами. Входная дверь из кованого железа запирается на два патентованных замка системы Брама с защитой от высверливания. Ключи хранятся у меня в сейфе и у дежурного инженера в конторе. Но замок не взломан, Федор Аристархович. Ни ригели, ни коробка не имеют царапин. Его открыли родным ключом или тончайшей отмычкой мастера высшей квалификации.

Колычев присел на корточки возле обрубка надпиленной цепи. Он вынул из кармана лупу и внимательно изучил поверхность среза при ярком свете фонаря Яблочкова.

Смотрите, Илья Мефодьевич, обратился он к профессору Валуеву, который, невзирая на сырость и ревматические боли в пояснице, спустился следом за следователем в машинный трюм. Борозда глубокая, шириной всего в полтора миллиметра. Края металла идеально ровные, без заусенцев, окалины и следов термического нагрева. Обычной слесарной ножовкой по металлу кованое железо такой чудовищной толщины пилить пришлось бы трое суток непрерывно под аккомпанемент оглушительного скрежета.

Это работа алмазного дискового резца с водяным охлаждением, подтвердил Валуев, потрогав пальцем металлический срез и поднося лупу к самому металлу. На дне пропила видна

характерная микроскопическая спиральная насечка от вращающегося диска. Такие портативные пневматические инструменты появились в Европе всего несколько лет назад. Их применяют на швейцарских часовых мануфактурах в Ла-Шо-де-Фон и в орудийных лабораториях Круппа для резки закаленной крупповской брони. В России подобные резцы есть только на Обуховском сталелитейном заводе под строжайшим артиллерийским учетом и в секретных механических мастерских Балтийского судостроительного завода.

Или в частных мастерских, работающих по специальным заказам концессионного общества, добавил Колычев, поднимаясь с колен и пряча лупу. Преступник действовал профессионально, бесшумно и хладнокровно. Он знал точное распределение нагрузок в шарнирах поворотной фермы. Перепил сделан аккурат в точке наибольшего динамического напряжения при страгивании пролета с места. Господин Струве, кто из иностранных специалистов прибыл в Петербург за последний месяц по линии правления общества?

Струве нахмурился, мучительно перебирая в памяти фамилии и служебные рапорты:

Две недели назад из Парижа приехал инженер-механик месье Анри Лаваль. Его настоятельно рекомендовал господин Штейгер как непревзойденного европейского эксперта по гидравлическим турбинам высокого давления и клапанным распределителям Армстронга. Лаваль поселился в фешенебельной гостинице Демут на Мойке. Ему был выписан бессрочный пропуск на все без исключения объекты Литейного моста, включая машинные трюмы, распределительные камеры и кессонные шахты. Штейгер лично просил меня допустить француза ко всем секретным чертежам поворотного механизма и предоставить ему ключи от смотровых галерей для снятия гидравлических характеристик.

И где этот Лаваль сейчас, поинтересовался пристав Брызгалов, тяжело сопя над ухом следователя и крутя в руках тяжелый обломок цепного звена.

Вчера утром он должен был отбыть утренним скорым поездом в Берлин с отчетом для европейских акционеров, ответил Струве. Во всяком случае, так мне заявил Штейгер на вчерашнем вечернем совещании в конторе.

Надо полагать, месье Лаваль никуда не уехал, холодно усмехнулся Колычев. Человек, обладающий швейцарским алмазным резцом, парижским усыпляющим алкалоидом и доскональным знанием гидродинамики, слишком нужен господину Штейгеру здесь, в Петербурге, чтобы отпускать его за границу до того, как все концы будут спрятаны в воду.

В этот момент в проеме тяжелой железной двери показалась невысокая сгорбленная фигура в старой матросской шинели с полинялыми пуговицами. Это был Архип Никифорович Лукин, ночной сторож и сигнальщик левобережного устоя. В руках ветеран держал закопченный жестяной фонарь с фитилем, плавающим в тюленьей ворвани. Руки старика заметно дрожали, в глазах читался застарелый страх человека, видевшего слишком много смертей на бастионах Севастополя.

Ваше высокоблагородие, робко обратился старик к Колычеву, переминаясь с ноги на ногу в стоптанных яловых сапогах и стряхивая мокрый снег с шапки. Дозвольте доложить по совести. Тут давеча пристав спрашивал, не видал ли я чего подозрительного на настиле в роковую полночь, когда барона не стало. Я сперва смолчал, побоялся греха... А нынче вижу: мост чуть не сгубили ироды. Не могу молчать, совесть христианская жжет.

Входи, Архип, приказал Брызгалов, кладя руку на плечо ветерана. Рассказывай без утайки, как перед Господом Богом. Перед тобой господин следователь по особо важным делам Санкт-Петербургского окружного суда.

Лукин снял суконную бескозырку с георгиевскими лентами Севастопольской обороны и истово перекрестился на чугунную балку потолка:

Грех на душу брать не стану, барин. Видел я человека. Аккурат за десять минут до того, как электрический свет господина Яблочкова в первый раз вспыхнул над рекой. Я на карауле стоял возле будки у пятого пролета, караулил левобережный подъем. Ночь была тихая, студе-

ная, туман над рекой висел, как саван погребальный. Вдруг слышу, снизу, от левого быка, глухой стук идет. Будто лодка деревянным бортом о гранитную сваю причала ударилась. Я перегнулся через чугунные перила, гляжу в темноту: у самой водозаборной трубы кессона ялик темный качается. Лодка узкая, без огней, весла тряпьем обмотаны, чтобы в уключинах скрипу не было.

Кто был в лодке, спросил Колычев, затаив дыхание и вглядываясь в морщинистое лицо матроса.

Двое их было, барин, твердо заговорил старик. Один гребцом на корме сидел, в купеческой поддевке, борода лопатой, лица в темноте не разобрать. А второй на причальный мостик у кессона вылез. Худой, высокий, осанка военная, движения быстрые, кошачьи. Одет в дорогое пальто с бобровым воротником, а на голове офицерская фуражка с козырьком, но без кокарды. Он к решетке нижнего люка подошел, ключом щелкнул, задвижка подалась, и он вниз нырнул, в осушенный водовод. А через десять минут на мосту фонари разом вспыхнули белым пламенем, да так ослепительно и страшно, что у меня искры из глаз посыпались. Я на минуту ослеп вовсе, руками лицо закрыл, на колени упал. А когда проморгался, слышу, снизу крик пошел и свист пара из трубы.

А человек из лодки, куда он делся дальше?

Назад выскочил, как ошпаренный, быстро заговорил Лукин. В лодку прыгнул, бросил гребцу холщовый мешок, и они на веслах вниз по течению, к Выборгской стороне ушли. Только вот когда он на причал прыгал, зацепился полой за железную скобу гранитного парапета. Слышу, треск сукна пошел. Утром, как рассвело, я то место осмотрел. Вот, ваше высокоблагородие, что на заклепке висело.

Лукин разжал морщинистую ладонь. На грубой шершавой коже лежал круглый металлический кругляк размером с серебряный полтинник.

Колычев взял предмет и поднес к свету фонаря Яблочкова. Это была массивная форменная пуговица из чеканной меди, покрытая зеленоватой патиной благородного окисла. На лицевой стороне красовался выпуклый рельефный герб Министерства путей сообщения: перекрещенные якорь и топор в лавровом венке. Но когда следователь перевернул пуговицу обратной стороной, его брови сошлись к переносице в глубокую складку.

На гладком латунном ободке с обратной стороны тончайшим штихелем ювелирной работы были вырезаны крошечные цифры: девятое сентября семьдесят седьмого года.

Опять эта дата, прошептал профессор Валуев, заглядывая через плечо Колычева. Вторая кессонная авария. Гибель девяти рабочих на этом самом месте.

Это не совпадение, медленно произнес Колычев, поворачивая пуговицу в пальцах. Пуговица от форменного сюртука высшего чиновника путей сообщения. Но гравировка на обороте превращает ее в тайный знак. Знак принадлежности к закрытому кругу лиц, связанных трагедией семьдесят седьмого года круговой порукой молчания и взаимного шантажа.

Или знаком кровной мести, хмуро заметил Брызгалов. Кто носил такие пуговицы, Аманд Егорович?

Такие форменные сюртуки шились по специальному заказу английской мастерской в Петербурге для членов правительственной комиссии, расследовавшей аварию семьдесят седьмого года, тихо ответил Струве. Их было всего четверо: покойный барон фон Розен, управляющий концессией Штейгер, представитель Санкт-Петербургского градоначальства и прокурорский надзиратель судебной палаты.

Круг сужается до четырех человек, подытожил Колычев. Один из них мертв, второй руководит концессией, третий командует тайными жандармами, а четвертый...

Следователь не успел закончить мысль. Сверху, по крутой чугунной лестнице машинного отделения, с грохотом сбежал запыхавшийся городовой Литейного участка. Лицо полицейского было перекошено от ужаса, фуражка съехала на затылок, руки тряслись.

Ваше благородие, господин пристав, задыхаясь, выпалил городовой, вытягиваясь во фрунт перед Брызгаловым. Срочная депеша из пересыльной тюрьмы Литейной части! Десятник Чуркин, что час назад явку с повинной подал...

Что с Чуркиным, рявкнул Брызгалов, хватая городового за полу шинели так, что затрещали швы. Бежал?

Хуже, ваше благородие! Отравился он в одиночной камере номер двенадцать! Пять минут назад караульный заглянул в глазок, а десятник на полу бьется, изо рта пена с кровью идет, зубами железо нар грызет! Тюремный фельдшер говорит, мышьяковистый ангидрид в тюремный чай подмешан был! Если господин профессор сию секунду промывание не сделает, до полудня арестант не доживет! Насмерть мужика изведут, чтобы рта не раскрыл!

Глава 6. Битва за жизнь свидетеля

Сырой тюремный коридор пересыльного замка Литейной части встретил сыщиков тяжелым запахом прелой соломы, хлорной извести и застоявшегося человеческого пота. Под сводчатыми кирпичными потолками тускло мерцали керосиновые лампы в железных решетчатых фонарях. Каждый шаг по плиточному полу отдавался гулким эхом, заглушаемым лишь глухим кашлем и звоном кандалов из одиночных камер.

Дорогу, кричал на бегу профессор Валуев, распахнув полы своего тяжелого пальто и прижимая к груди походный аптекарский саквояж. Софья Васильевна, готовьте резиновую трубку и жженую магнезию! Ни секунды промедления!

Следом за профессором неслись Колычев и Брызгалов. Тюремный смотритель в расстегнутом форменном сюртуке с медными пуговицами тюремного ведомства, бледный и трясущийся от страха, торопливо звякал тяжелой связкой ключей, пытаясь попасть в замочную скважину тяжелой дубовой двери с надписью номер двенадцать.

Давай живее, черт косорукий, рявкнул Брызгалов, отталкивая смотрителя плечом, выхватывая ключ и с силой проворачивая его в замке. Замок щелкнул, дверь со скрипом распахнулась.

На узком железном топчане, прикованном цепью к стене, в страшных судорогах бился десятник Матвей Чуркин. Его могучее тело, привыкшее к тяжелейшему труду под давлением в кессонах, сейчас изгибалось дугой. Пальцы с сорванными ногтями скребли по осклизлым кирпичам стены, с губ срывалась белая пена, окрашенная прожилками алой крови, а широко раскрытые глаза закатились под лоб.

Мышьяковистый спазм желудка, мгновенно определил Валуев, бросая саквояж на деревянный табурет. Сердце еще бьется, но пульс нитевидный, более ста сорока ударов. Софья Васильевна, держите голову! Осип Терентьевич, держите ноги, не давайте ему биться о железо!

Пристав Брызгалов навалился всей своей богатырской массой на ноги конвульсирующего арестанта, прижав их к топчану. Софья Корсакова, сбросив шерстяные перчатки, уверенными, быстрыми движениями вставила между зубами Чуркина деревянный клин с отверстием и ввела в пищевод толстую резиновую трубку с широкой стеклянной воронкой на конце.

Воду, теплую воду с магнезией, скомандовала девушка, не обращая внимания на брызги пены, летевшие на ее платье.

Профессор Валуев лихорадочно размешивал в глиняном кувшине порошок белой магнезии и древесного угля. Белая суспензия полилась через воронку в желудок отравленного мастера. Чуркин захрипел, его тело содрогнулось в мощном рвотном позыве. Черная маслянистая масса хлынула обратно в подставленный таз, источая резкий чесночный запах, безошибочно выдававший присутствие тяжелых соединений белого мышьяка.

Еще порцию, хрипел Валуев, вытирая пот со лба рукавом халата. Промывать до чистой воды! Мы должны связать весь яд в нерастворимый арсенат магния, пока он не всосался в кишечник! Софья, камфору под кожу, две капли, поддержите сердечную мышцу!

Корсакова набрала в шприц маслянистый раствор камфоры и ловко ввела иглу под кожу предплечья десятника. Прошло десять томительных, страшных минут. Дыхание Чуркина постепенно выравнивалось, судороги отступили, оставив после себя мертвенную бледность и крупную испарину на посеревшем лице. Челюсти разжались, ресницы дрогнули, и помор тяжело, прерывисто вздохнул.

Жить будет, устало опустился на табурет Валуев, тяжело дыша. Крепкая порода, поморская. Другой бы на его месте испустил дух еще до нашего приезда. Доза была убойная, не менее трех гранов чистого мышьяковистого ангидрида.

Колычев тем временем подошел к тюремному столику в углу камеры. Там стояла жестяная кружка с остывшим черным чаем и лежал надкусанный кусок сдобного калача, завернутый в серую оберточную бумагу.

Следователь повернулся к смотрителю замка, который стоял в дверях, не смея поднять глаз:

Кто доставил передачу арестанту Чуркину? В пересыльных камерах одиночного содержания сторонние передачи строго запрещены циркуляром министра внутренних дел.

Ваше высокоблагородие, залепетал смотритель, прижимая руки к груди. Ей-богу, без умысла! Полчаса назад прибыл казенный курьер из прокуратуры. В форменной фуражке с зеленым кантом, с казенной сумкой. Предъявил записку с гербовой печатью, мол, Чуркину разрешено горячее довольствие по распоряжению помощника прокурора Заболоцкого, поелику арестант дал признательные показания и сотрудничает со следствием. Сказал, что калач и чай принесла с Выборгской стороны родная сестра Чуркина. Разве ж я мог ослушаться прокурорского предписания?

Где эта записка, потребовал Колычев.

Смотритель вытащил из кармана сложенный вдвое лист гербовой бумаги. Колычев развернул его и поднес к лампе. Оттиск печати действительно напоминал печать Окружного суда, но намётанный глаз следователя мгновенно уловил фальшивку: корона над орлом была сдвинута на полмиллиметра вправо, а текст распоряжения был написан не канцелярскими железными чернилами, а дешевой анилиновой краской, смывающейся от капли воды.

Печать поддельная, холодно констатировал Колычев. А оберточная бумага от калача?

Следователь осторожно развернул обрывки серой бумаги, в которую был завернут отравленный хлеб. На одном из краев уцелел фиолетовый штамп аптекарского магазина: «Главная аптека провизора Пеля на Васильевском острове. Седьмая линия».

Аптека Пеля, негромко произнесла подошедшая Софья Корсакова. Это единственное место в столице, где продают химически чистый кристаллический мышьяк для научных опытов Академии наук и судебно-медицинских лабораторий. Но отпуск мышьяка там производится исключительно по именным рецептам практикующих врачей с занесением в ядовитую книгу.

Значит, в ядовитой книге Пеля осталась запись с фамилией господина, купившего этот порошок, жестко произнес Брызгалов. Я сейчас же пошлю околоточного на Васильевский, перевернем всю аптеку вверх дном!

Не спешите, Осип Терентьевич, остановил его Колычев. Тот, кто организовал это покушение, не стал бы подставлять свое имя в аптекарской книге. Там наверняка фигурирует подставное лицо или украденный рецептурный бланк. Нам важнее услышать, что скажет сам Чуркин.

На топчане послышался глухой стон. Матвей Чуркин медленно открыл глаза, мутным взглядом обвел стены камеры и остановился на лице Колычева. По его сухим потрескавшимся губам скользнула слабая, горькая усмешка.

Не вышло у них... прохрипел десятник, пытаясь приподняться на локте. Думали, с калачом на тот свет отправят... концы в воду...

Лежите, Матвей Данилович, мягко произнесла Софья, поправляя подушку из грубого холста. Вам нельзя двигаться, желудок еще воспален.

Чуркин с благодарностью посмотрел на девушку, затем повернулся к следователю:

Барин... господин следователь. Грех на мне великий, да не тот, про который в бумаге написано. Не убивал я барона фон Розена. Христос свидетель, пальцем до него не дотрагивался!

Зачем же вы подписали признание перед прокурором, спросил Колычев, присаживаясь на край топчана.

А что мне оставалось, глухо зарыдал сильный мужик, и крупные слезы покатились по его серым щекам. Вчерась ввечеру ко мне в барак на Выборгской пожаловал человек в штатском пальто. Сказал, что от господина Штейгера. А с ним двое молодцов с кастетами. Показали мне платочек шелковый моей дочки Марфутки. Сказали: если не возьмешь смерть барона на себя, дом твой сожгут вместе с бабой и тремя ребятишками, а пепел в Неву спустят. Сказали, мол, посидишь полгода в крепости, а потом господин Штейгер тебе побег устроит и в Америку с паспортом на чужое имя отправит, да еще десять тысяч рублей серебром положит.

И вы поверили, с укором покачал головой Брызгалов.

Дурак был, каялся Чуркин. За деток испугался! Думал, оговорю себя, а там на суде присяжным всю правду открою! А они, ироды, видать, рассудили, что живой Чуркин на суде им ни к чему. Решили прямо в камере отравить, чтобы на мертвеца все списать!

Кто был тот человек, что приходил к вам в барак, спросил Колычев, доставая карандаш.

Высокий, с усиками стрелками, картавит немного, на французский манер. Сам в перчатках лайковых, а на пальце перстень с зеленым камнем блестит. И пахнет от него духами сладкими, будто из дамской цирюльни.

Анри Лаваль, тихо произнес Колычев, переглянувшись с Валуевым. Французский инженер-механик, специалист по гидравлическим турбинам.

Он самый, подтвердил Чуркин. А еще он просил меня отдать ему сменный журнал кессонных работ за август месяц. Тот самый журнал, куда барон фон Розен собственноручно записал результаты проб цемента со второй опоры.

И вы отдали этот журнал, насторожился следователь.

Не отдал, оскалился Чуркин, и в его глазах блеснула былая поморская хитрость. Смекнул я, что этот журнал - единственная моя защита. Спрятал я его надежно. На Выборгской стороне, у Финляндского вокзала, стоят старые рабочие казармы. В третьем бараке, за кирпичной кладкой голландской печи, две плахи вынимаются. Там тетрадь и лежит, завернутая в просмоленную парусину! Там вся правда расписана: сколько возов песка вместо портландцемента в яму ссыпали, сколько бочек извести украли, и чьи росписи на накладных стоят!

Это победа, воскликнул Брызгалов, сжимая кулаки. С такой тетрадкой мы господина Штейгера прямо в его конторе к стенке припрем!

Колычев поднялся с топчана, аккуратно спрятал блокнот во внутренний карман и повернулся к смотрителю:

Приказываю: выставить у дверей этой камеры парный караул из надежных городовых Литейного участка. Пищу и воду давать только из рук доктора Валуева или сестры милосердия. Смотритель, отвечаете головой за жизнь арестанта Чуркина. Если с его головы упадет хоть один волос, вы пойдете под суд за государственную измену.

Смотритель вытянулся в струнку, непрерывно кивая головой.

В этот момент в коридоре послышался торопливый топот подкованных сапог. В камеру влетел запыхавшийся судебный курьер с медной бляхой Окружного суда на груди.

Господин коллежский советник, задыхаясь, прокричал курьер, протягивая Колычеву служебный пакет, залитый алым сургучом. Беда на Шпалерной! Десять минут назад двое неизвестных в масках проникли через чердак в центральный архив Окружного суда! Они связали сторожа, взломали железные шкафы с делами строительных концессий и подожгли стеллажи с финансовой отчетностью Литейного моста! Архив пылает, огонь подбирается к судебным палатам!

Глава 7. Замкнутая цепь

Каменное громадье Санкт-Петербургского окружного суда на углу Литейного проспекта и Шпалерной улицы тонуло в клубах едкого сизого дыма. Это историческое здание, перестроенное в шестидесятые годы для колыбели пореформенного правосудия, где под председательством Анатолия Федоровича Кони рождались новые судебные обычаи гласности и состязательности, сейчас напоминало осажденную крепость. Из высоких полуциркульных окон второго этажа, где располагались судебные архивы, хранилище вещественных доказательств и следственные канцелярии, вырывались багровые языки пламени.

На мостовой Литейного проспекта стоял оглушительный звон колоколов пожарных обозов Литейной и Рождественской частей. В темноте свистели городовые, звенели пожарные топоры, а толпа чиновников в вицмундирах, судебных приставов и перепуганных просителей в пальтишках в панике вываливалась через парадный гранитный подъезд на улицу.

Окружить здание по всему периметру, на бегу скомандовал пристав Брызгалов подбежавшему взводу полицейских служителей с шашками наголо. Все выходы перекрыть, никого не выпускать без личного досмотра! Стрелять по каждому, кто полезет через окна во внутренние дворы!

Колычев сорвал с плеч тяжелое пальто, намочил шелковый кашне в кадке с водой, стоявшей у парадного входа для тушения курительных трубок, и обвязал им лицо до самых глаз. В правой руке следователя сверкнул вороненый ствол казенного револьвера системы Смита и Вессона.

Федор Аристархович, не суйтесь в пекло, крикнул ему в спину Брызгалов, вынимая из кобуры свой армейский револьвер и на ходу скидывая тулуп. Там перекрытия деревянные, старая дранка сухая, балки рухнут через пять минут!

В центральном архиве лежат подлинники концессионных договоров Литейного моста, бросил через плечо Колычев, перепрыгивая через три ступени широкой парадной лестницы. Если сгорят книги прихода цемента, мы никогда не докажем вину синдиката перед присяжными!

В коридорах второго этажа дым стоял такой густой и едкий, что газовые рожки на стенах казались тусклыми багровыми точками. Воздух обжигал дыхательные пути, горячий пол под ногами мелко вибрировал от гула огня. Дверь центрального архива с массивной кованой решеткой была распахнута настежь. Тяжелый пудовый замок висел на одной дужке, перекушенный мощными гидравлическими клещами.

Внутри архивной залы, среди высоких дубовых стеллажей, охваченных огнем, метались две тени. Один из злоумышленников, в надвинутом на самые глаза картузе и с кумачовым платком на лице, лихорадочно выплескивал из жестяной канистры очищенный скипидар на полки с надписью «Департамент шоссейных и водяных сообщений». Второй, высокий, сухощавый господин в элегантном темном пальто английского сукна и лайковых перчатках, хладнокровно стоял у взломанного несгораемого шкафа, выгребая папки дел в объемистый холщовый мешок.

Именем закона, стоять на месте, громовым голосом скомандовал Колычев, шагнув в горящую залу сквозь стену дыма. Бросить оружие, вы арестованы!

Человек у шкафа среагировал с поразительной, молниеносной быстротой опытного дуэлянта. Он резко развернулся на каблуках, и в его правой руке блеснул никелированный револьвер редкой французской системы Лефоше с открытым курком под шпилечный патрон калибра двенадцать миллиметров. Без единого слова предупреждения нападавший вскинул руку и дважды нажал на спуск.

Грохот выстрелов в замкнутом каменном покое архива смешался с треском горящих дубовых стропил. Первая пуля со свистом пробила массивную панель шкафа в двух вершках от головы Колычева, осыпав следователя колючими щепками, а вторая выбила штукатурку над косяком двери.

В тот же миг в залу ворвался Брызгалов. Пристав, не тратя времени на прицеливание, с разбегу врезался своим могучим плечом в первого поджигателя с канистрой. Тот с глухим хрипом отлетел к стене, сбив горящую этажерку с судебными делами, и выронил жесть на каменный пол. Брызгалов сгреб его за шиворот, прижал коленом к плитам пола и с хрустом защелкнул на его запястьях тяжелые казенные кандалы.

Держи второго, Федор Аристархович, заорал пристав, уворачиваясь от тлеющих углей. Он с мешком уходит!

Человек в пальто бросился к противоположному концу архивной залы, где распахнутое полуциркульное окно выходило во внутренний замкнутый двор Окружного суда. Колычев вскинул револьвер, целясь по ногам беглеца:

Стой, стрелять буду!

Преступник обернулся на широком гранитном подоконнике. На мгновение дымовая завеса рассеялась, освещенная вспышкой упавшей балки, и в багровых отблесках пламени Колычев отчетливо разглядел холеное, породистое лицо с тонкими усиками стрелками и ледяными серыми глазами. На безымянном пальце левой руки незнакомца сверкнул крупный изумруд в старинной золотой оправе, а воздух на мгновение наполнился сладковатым, приторным ароматом парижской лавандовой воды.

Прощайте, господин следователь, с легким французским грассированием бросил незнакомец и выстрелил в третий раз.

Пуля чиркнула Колычева по левому плечу, разорвав плотное сукно сюртука и оставив глубокую жгучую ссадину на коже. Следователь покачнулся от резкого удара, его ответный выстрел ушел вверх, выбив лепную розетку под потолком залы. В ту же секунду француз спрыгнул с подоконника второго этажа вниз.

Колычев бросился к окну, прижимая окровавленную ладонь к раненому плечу. Внизу, на заснеженном булыжнике замкнутого двора, стояла закрытая четырехместная карета на бесшумных резиновых шинах без номерных жестяных знаков. Незнакомец, сгруппировавшись при падении в глубокий сугроб у дровяного сарая, мгновенно вскочил на ноги, швырнул холщовый мешок в открытую дверцу экипажа и нырнул следом. Кучер в глухой волчьей дохе наотмашь хлестнул пару вороных рысаков, кованые подковы высекли сноп искр из булыжников, и карета с грохотом вылетела через арочные чугунные ворота на Шпалерную улицу.

Держи карету, крикнул Колычев в окно дежурным городовым на набережной, но колеса экипажа уже растворились в густом сыром уличном тумане.

Тем временем в архив с криками и топотом вбежали служители пожарной дружины с брезентовыми шлангами и медными ручными брандспойтами. Мощные струи речной воды ударили по пылающим стеллажам, сбивая пламя, заливая горящий скипидар и наполняя помещение удушливыми клубами белого пара.

Федор Аристархович, вы ранены, подскочил Брызгалов, тяжело дыша и вытирая рукавом сажу с бороды. Плечо в крови, сюртук разорван!

Царапина, ожог от пули, сухо отрезал Колычев, наскоро перевязывая рану носовым платком. Что со вторым поджигателем?

Пристав указал на лежащего у стены подручного. Тот был без сознания: от сокрушительного удара Брызгалова на его виске вздулась багровая шишка, а из разбитого носа текла темная кровь.

Портовый босяк с Выборгской стороны, проворчал Брызгалов, ощупывая карманы арестанта. Обычная шестерка с ночлежек на Песках. В кармане тридцать рублей новенькими

серебряными монетами и складной матросский нож с костяной ручкой. Наняли за полушку, чтобы керосином плескал да огонь раздувал. А вот француз ушел с мешком... Неужто все дела концессии унес, пес шелудивый?

Не все, произнес Колычев, подходя к распахнутому несгораемому шкафу казенной работы.

Следователь опустился на колено перед закопченным металлическим ящиком. Огонь не успел проникнуть внутрь бронированной секции. На самом дне сейфа, за фальшивой задней перегородкой из листовой стали, которую взломщик второпях не заметил, лежал толстый пакет в темно-синей сафьяновой обложке, перевязанный шелковым шнуром с неповрежденной сургучной печатью Санкт-Петербургской судебной палаты.

Это секретный реестр акционерного капитала Российско-Балтийского общества, медленно и торжественно произнес Колычев, поднимая спасенный пакет. Тот самый реестр, который барон Людвиг фон Розен передал на ответственное хранение председателю палаты за три дня до своей роковой гибели на глубине Невы. Здесь поименно зафиксированы все держатели подставных акций и распределение взяток между чиновниками министерств.

А что на полу валяется, спросил Брызгалов, указывая носком сапога на место возле подоконника, откуда выпрыгнул француз.

Колычев наклонился и бережно поднял с мокрого пола два вещественных доказательства, оброненных беглецом в момент падения.

Первым предметом был тот самый револьвер Лефоше со шпилечным барабаном на шесть патронов. На рукояти из слоновой кости тонким штихелем парижского гравера было выбито личное клеймо оружейника Лепажа и дарственная надпись на французском языке: «Дорогому Анри от мадам М.Д. В память незабвенных дней в Ницце».

А вторым предметом оказался золотой медальон на разорванной цепочке венецианского плетения. Внутри медальона под выпуклым граненым хрусталем находилась крошечная визитная карточка из тисненого картона с золотой каймой: «Модный салон мадам Марии Дюбуа. Большая Морская, дом четырнадцать. Закрытые приемы, парижские туалеты и закрытые финансовые консультации».

Колычев бережно спрятал медальон и револьвер во внутренний карман сюртука, затем подошел к уцелевшему дубовому столу и положил перед собой спасенный сафьяновый реестр.

Осип Терентьевич, твердо произнес следователь, и в его взгляде читалась несокрушимая воля служителя правосудия. Картина преступления обретает полную ясность. Десятник Матвей Чуркин невиновен. Нападение на барона фон Розена в кессоне Литейного моста совершил французский наемник Анри Лаваль по прямому заказу концессионного синдиката. Целью убийства было уничтожение технических улик, доказывающих катастрофический брак в подводном основании второй опоры. А нити финансового заговора ведут прямиком в модный салон на Большой Морской и в особняки акционеров, укравших четыреста двадцать тысяч рублей из государственной казны.

И мы их возьмем, стиснул кулаки Брызгалов. Клянусь крестом, из-под земли достанем!

Возьмем, согласился Колычев, глядя в окно на рассеивающийся дым над Шпалерной улицей. Но теперь против нас ополчится не только шайка наемных убийц, но и вся верхушка петербургского высшего света. И битва эта будет не на жизнь, а на смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.